

Татьяна Первушина

Долг шантажом красен

Не все герои и события в этом романе вымышлены. Совпадения не случайны.

*«Не смерть должна
страшить разумного
человека, а неправда»
(Сократ)*

Сегодня, оглядываясь на несколько лет назад, я с трудом осознаю, что все, произошедшее тогда со мной, далеко не случайность... А справедливая закономерность, вытекающая из недостатков моего собственного характера — вспыльчивость, бесшабашность, неоправданный азарт и, конечно же, страсть к раскрытию всевозможных тайн.

И еще одно. С некоторых пор я не люблю давать займы. И совсем не потому, что я жадная. Все объясняется очень просто. История, произошедшая со мной, разочаровала меня во многом: в ценности дружбы с детства, святости супружеских уз. Эх, да что там говорить! Я поняла, что человеческая жизнь может стоять так мало, что

в это даже трудно поверить...

Началось все однажды поздним осенним вечером, когда я была слишком увлечена собой и собственными мыслями, чтобы воспользоваться замечательной народной мудростью: если хочешь врага нажить — дай займы; в долг давать — дружбу терять; дай займы, да назад не проси...

И, наверное, поэтому со мной произошло то, что произошло. Я дала займы подруге детства, Дашке Слепянской.

* * *

На первый взгляд, ничего в этом странного и пугающего не было. Дашуня — моя давняя подружка, такая давняя, что и не вспомню даже, с каких лет мы точно знакомы. Наши родители, когда мы были еще совсем крохами, вступили в строительный кооператив при Союзе журналистов и вскоре стали счастливыми обладателями вожеленных в то далекое советское время отдельных двухкомнатных квартир в новом кирпичном доме в самом центре Москвы.

Поэтому мы с Дашкой подружились еще до школы. Правда, активность всегда более

прагматичной Дарьи подогревалась возможностью подкрепиться, как следует, у «лучшего друга Гульбария». Дело в том, что ее родители (в отличие от моих «невыездных» из-за папиной службы) нещадно экономили на еде, но зато посещали примерно раз в год по туристической путевке какую-нибудь страну соцлагеря, а, если уж совсем везло, то замахивались, скажем, на Италию или Великобританию.

В связи с подобной предприимчивостью родителей маленькая Дашка вечно была голодна, как дворняга. Зато необыкновенно начитана, благо обе наши маменьки трудились на редакционной ниве в весьма престижных издательствах, и в домах было множество дефицитных книг. И в долгие, с точки зрения голодной Дашуни, часы одиночества, пока я делала уроки или посещала музыкальную школу (куда меня с завидным постоянством лично отвозил на машине папа, руководствуясь при этом не столько соображениями дочерней безопасности, сколько мыслями об исключении прогулов своевольной чадушкой оплаченных вперед уроков), моя подруга заполняла свою голову сентенциями и силлогизмами русской и зарубежной классики.

Вечерами, еле дождавшись моего звонка, Дашка неслась ко мне, стуча зубами от голода и

забывая на бегу о Диккенсе и Достоевском. Влетая в квартиру, она, делая себе гигантские бутерброды с докторской (увы, тогда еще настоящей!) колбасой, сыпала обрывками цитат из М.Твена, Ф.Купера и А.Линдгрена, так как я, сытая, но, увы, гораздо менее образованная в то время, обожала играть в индейцев, беспризорников и в... Малыша и Карлсона. Наевшись в процессе игры до отвала, довольная подруга, помотавшись для приличия еще пару-тройку минут по комнатам, убежала к себе, ссылаясь при этом на недоделанный английский или обещание помочь своей маменьке по хозяйству... Но я не обижалась. «Дружба есть дружба», — справедливо полагала я.

С тех пор прошло уже много лет. Моя наивность и детскость восприятия постепенно таяли под ударами судьбы. Но нежные воспоминания детской поры возникали вновь, когда раздавалась трель телефона, и Дарья вкрадчивым голоском завлекала меня в очередные авантюры, ставшие с годами не менее рискованными, чем наши детские прыжки по крышам, спуск в подвалы заброшенных домов, жевание вара и сосулек, откручивание ниппелей у автомобилей и т. п., но столь же способствующие выбросу адреналина...

* * *